

Линь Чаошэн очень удивился: «Так поздно выходить? Небезопасно. Может, я с тобой?» В его словах сквозила неподдельная забота — он уже на собственном опыте убедился, каким испытанием для тела и духа становится ночной путь по горной тропе.

«Не надо. Я эту дорогу давно изучил, тут безопасно». Не дав Линь Чаошэну возразить, Ли Чжи взмахнул рукой, открыл дверь и снова растворился в темноте.

Когда Линь Чаошэн проснулся на следующее утро, на улице уже рассвело. Окно было приоткрыто, доносилось едва слышное стрекотание насекомых и щебет птиц. Он всегда плохо спал на новом месте, да ещё и его высокий рост с длинными ногами не помещался на диване. Ночь выдалась тяжёлой: всё тело ныло, а когда он сел, в голове стояла тяжёлая туманная дурнота, словно начиналась простуда — наверное, из-за резкого перепада температур в горах.

На столе лежала охалка свежих зелёных бамбуковых стеблей, ещё влажных от росы, аккуратно нарезанных на отрезки длиной примерно в предплечье. Линь Чаошэн взглянул на полностью заряженный телефон: без двадцати девятое.

Ли Чжи ещё спал? Он обернулся к закрытой двери спальни. Ночью ему почудились чьи-то тихие шаги — наверное, уже под утро. Значит, надо выспаться.

В ванной на раковине Линь Чаошэн заметил только что распакованную бритву. Он посмотрел в зеркало: щетина ещё не отросла, бриться не нужно. Но то, что Ли Чжи позаботился даже об этом, было довольно мило.

Утренний туман в горах ещё не рассеялся. Всё вокруг тонуло в зелени, пропитанной влажным воздухом, смешанным со свежим запахом растений, — дышалось необычайно легко. Открыв дверь, Линь Чаошэн заметил во дворе присевшего на корточки человека с ножом в руках. Такой нож он видел только по телевизору — странной формы, похожий на специальный топорик для рубки дров.

На земле в беспорядке валялись бамбуковые стебли разной длины. Ли Чжи поднял голову, взглянул на него и, не церемонясь, указал на уже нарезанные бамбуковые цилиндры у своих ног: «Проснулся? Помоги отнести их к плите».

«Договорились», — откликнулся Линь Чаошэн.

Выйдя из дома снова, он как раз увидел, как Ли Чжи, держа в одной руке топорик, а другой прижимая бамбук к земле, взмахнул — и лезвие резко и чётко рассекло стебель. Бамбук с сухим треском раскололся на две аккуратные части. Линь Чаошэн смотрел на это с каким-то странным удовлетворением.

Он подошёл ближе и спросил: «А это зачем?»

«Сделаем потом рис в бамбуке».

«Хочешь попробовать?» — Ли Чжи улыбнулся и помахал топориком в сторону Линь Чаошэна.

Из-за ночной темноты и смертельной усталости по приходе Линь Чаошэн вчера совсем не разглядел, как выглядит этот человек. По первому впечатлению в его голове сложился смутный образ: на полголовы ниже, смуглый, наверное, сурововатый. И сейчас он с удивлением понял, что реальность совсем не совпала с ожиданиями.

Перед ним стоял человек, не соответствовавший стереотипу о горцах. Его кожа была не

обветренной и загорелой, а скорее бледной, будто он редко бывал на солнце. Похоже, он был ровесником Линь Чаошэна. Черты лица — мягкие, в уголках губ играла улыбка, но она не касалась глаз и казалась немного формальной. Впрочем, два виднеющихся маленьких клыка слегка смягчали эту отстранённость.

Линь Чаошэн на секунду замер, прежде чем взять протянутый ему топорик.

Его пальцы слегка коснулись ладони Ли Чжи, уловив лёгкое тепло.

Он взвесил топорик в руке — тот оказался тяжелее, чем казалось со стороны. Глядя, как Ли Чжи легко им орудует, он думал, что инструмент лёгкий.

Линь Чаошэн попытался повторить движения, но сила и угол удара давались не сразу. Первый удар оказался слабоват — бамбук не раскололся до конца. Второй расколол, но криво. Выглядело-то просто! Почему же руки живут своей жизнью?

«В первый раз у всех так, это нормально. Просто попробовал — и ладно, давай я», — Ли Чжи взял у него топорик.

«Ладно», — Линь Чаошэн слегка нахмурился, с неохотой глядя на инструмент. «...А чем ещё я могу помочь?»

Ли Чжи, видя его упрямое желание продолжить, усмехнулся: «Умеешь рис промывать?»

«Умею...» — ответил Линь Чаошэн. Но это же совсем просто.

«На кухне замочен клейкий рис. Промой его в воде, несколько раз перемешай, чтобы вода стала прозрачной, потом слей», — сказал Ли Чжи.

Линь Чаошэн иногда готовил дома. Блюда выходили так себе, но промыть рис он умел.

Осторожно зачерпнув полчашки риса, он высыпал его в дуршлаг и долго полоскал, пока не остался доволен результатом.

Тем временем Ли Чжи уже вымыл бамбуковые цилиндры, нарезал мясо, морковь и грибы кубиками и добавил приправ.

Линь Чаошэн взглянул в его сторону: «Солёный будет?»

Ли Чжи посмотрел на него: «Разве ты солёное не ешь?» Лицо его оставалось бесстрастным, но в чёрных, ясных глазах читалось: «Не ешь — вали».

Линь Чаошэн воспринял это как немую угрозу и машинально ответил: «...Ем. Просто раньше не пробовал солёный».

«Поможешь ещё кое с чем».

Они вдвоём быстро собрали во дворе мангал, разожгли огонь. Сухие дрова сразу занялись, поднимая дым, который клубами рассеивался в воздухе. Линь Чаошэн чуть не закашлялся и отошёл подальше.

Ароматы риса, бамбука и мяса смешивались, создавая невероятно аппетитный запах.

«Вкусно?» — сидя напротив, Ли Чжи с лёгкой улыбкой подперел подбородок рукой, ожидая

оценки.

«Вкусно. Это самый вкусный рис в бамбуке, который я ел в жизни».

Линь Чаошэн не преувеличивал. Это было лучше, чем всё, что он пробовал раньше. Может, оттого, что был очень голоден. А может, потому что сам участвовал в приготовлении. Так или иначе, это блюдо покорило его желудок.

В этот момент снаружи послышался шум, и в дом вошёл высокий мужчина в сером пуховике, впустив за собой поток влажного ветра. Наклонившись сменить обувь, он громко и звучно произнёс: «Я вернулся».

«Старик Ли, быстрее мой руки и за стол», — не поднимая головы, позвал его Ли Чжи.

Линь Чаошэн понял, что это отец Ли Чжи, и встал со стула: «Здравствуйте, дядя».

«Здравствуй, здравствуй, садись, ешьте, не надо из-за меня», — ответил тот.

Линь Чаошэн сел обратно. Напротив Ли Чжи продолжал есть, даже бровью не повёл.

Ли Вэньцзинь присел рядом с Линь Чаошэном и взглянул на Ли Чжи: «Это тот самый малыш, о котором ты говорил?»

«Я не говорил, что он малыш», — Ли Чжи поднял глаза и бросил на Ли Вэньцзиня сердитый взгляд. Вчера он сказал отцу, что в дом забрёл заблудившийся ребёнок, но сейчас, при самом «ребёнке», как-то неудобно было это повторять — особенно учитывая, что этот «ребёнок» был на полголовы его выше.

«Ладно, ладно, большой уже малыш, да?»

В молодости Ли Вэньцзинь служил в армии на северо-востоке, а после демобилизации был распределён в Управление лесного хозяйства, а затем приехал на гору Линьчуань и стал лесником. С тех пор прошло уже больше десяти лет.

Ежедневные восьмичасовые обходы по горным тропам, десятки тысяч шагов — обычная работа для Ли Вэньцзиня. В крупных туристических зонах по ночам могли дежурить десятки лесников, но на горе Линьчуань их было всего четверо или пятеро, и нагрузка была огромной. Раньше, когда эти места ещё не были освоены, и людей здесь почти не бывало, главной задачей лесников была профилактика и тушение пожаров, а также борьба с браконьерами, воровавшими лес. В последние годы управление ужесточилось, контроль усилился, браконьеров поубавилось — и основной заботой лесников стала помощь туристам и поддержание порядка.

Вчера за полночь Ли Вэньцзинь и Ли Чжи встретились на склоне. Ли Вэньцзинь беспокоился, что на горе ещё могли остаться люди, и решил пройти ещё один круг, а Ли Чжи отправил домой.

За эти годы в горах случалось немало происшествий с лесниками. Хотя Ли Вэньцзинь работал на горе Линьчуань уже больше десяти лет, Ли Чжи всё равно не мог не волноваться. Он хорошо знал упрямый характер отца и ничего не мог с этим поделать, кроме как злиться про себя.

«Сколько тебе лет, Сяо Линь?» — Ли Вэньцзинь, проглотив пару ложек риса, снова повернулся к Линь Чаошэну, задавая вопрос прямо и просто.

У Ли Вэньцзиня было лицо с резкими, будто высеченными чертами, суровое и твёрдое, смуглая кожа и пронзительный взгляд. Со стороны он казался неприступным и внушительным.

«Восемнадцать», — ответил Линь Чаошэн.

«Ха-ха, ну точно же малыш! Правда, Сяо Чжи?» — Ли Вэньцинзь рассмеялся и снова посмотрел на Ли Чжи.

Ли Чжи был немного похож на отца, но черты его лица были гораздо мягче.

«Ну, может быть», — Ли Чжи довольно формально улыбнулся.

<http://bllate.org/book/15953/1426444>